

ПОѢЗДКА
ВЪ ЮЖНУЮ РОССІЮ

А. Афанасьева-Чужбинскаго.

ЧАСТЬ I.

ОЧЕРКИ ДНѢПРА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—
1861.

ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ

НА БЫТЬ ПРИДНѢПРОВСКАГО КРЕСТЬЯНИНА.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 11 марта 1861 года.

Ценсоръ *Е. Волковъ*.

Командированный морскимъ начальствомъ, съ цѣлю описать судоходство, рыболовство и вообще бытъ сельскихъ жителей, обитающихъ по Днѣпру и Днѣстру, я повсемѣстно встрѣчалъ малорусовъ, а потому въ первой статьѣ считаю необходимымъ представить въ общихъ чертахъ бытъ этого племени, которое, промѣнявъ пику и саблю на плугъ и косу, мирно занимается своими промыслами на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ въ прошломъ еще столѣтіи разыгрывались страшныя кровавыя драмы.

Исторія Южной Руси, особенно послѣ нашествія татаръ и до присоединенія ея къ Московскому государству, у насъ извѣстна немногимъ. Даже лица, занимающіяся отечественною исторіею, обращаютъ на это вниманіе вскользь, а нѣкоторые критики не такъ еще давно позволяли себѣ неумѣстныя насмѣшки надъ цѣлымъ малорусскимъ племенемъ, не знаю уже съ какой цѣлю. Но добрая, гостепріимная Малороссія, слившаяся навсегда съ Сѣвѣрною Русью, имѣла свою исторію, краснорѣчивыя страницы которой—стоятъ и просвѣщеннаго вниманія, и теплаго участія. Народъ, вѣдѣствіе политическихъ событій присоединившійся къ Литвѣ, а потомъ къ Польшѣ, народъ, который, бывъ угнетаемъ польскою аристократіею и принуждаемый обратиться въ католичество, возсталъ повсемѣстно, и отбившись отъ угнетителей, присоединился къ единовѣрному и единоплеменному народу, я полагаю, имѣть право на безпристрастіе историка. Если какому нибудь господину, положимъ и славянину, но не русскому, и кажется, что малорусы были польскими холопами, то это еще не доказываетъ, что дѣло было такъ дѣйствительно. Хотя это обстоятельство и видно у польскихъ историковъ прежняго вре-

мени, однако мы очень хорошо знаемъ—въ какой степени можно вѣрить польскимъ историкамъ касательно этого обстоятельства. Если иной господинъ, занимающийся исторіей, видитъ въ козачествѣ цѣль безпорядковъ, а въ казакахъ, особенно въ запорожцахъ, буйную, развратную вольницу, такому господину извинительно, потому что онъ видѣлъ малорусовъ, можетъ быть, только на столичной сценѣ, а исторію этого народа пробѣгалъ по напечатаннымъ въ разное время компиляціямъ, въ которыхъ почти ничего не говорится о внутреннемъ бытѣ края. Тѣ и другія мнѣнія нельзя назвать безпристрастными, и если первое изъ нихъ носитъ на себѣ отпечатокъ племенной ненависти къ Малороссіи, то другое грѣшитъ противъ истины и даетъ нѣкоторымъ образомъ понятіе объ ограниченности взгляда. Минули тѣ времена, когда Малороссія, неуспѣвшая окрѣпнуть послѣ смуты и раздоровъ, конвульсивно иногда схватывалась за мысль о самостоятельности. Со времени Петра I-го она выздоровѣла и единодушно сознала, что разливъ ея вошелъ въ свое нормальное русло, и тихо, счастливо течетъ по назначенію въ огромный лиманъ Руси, вливающийся въ океанъ человѣчества. Къ чему же въ наше время всѣ эти выходки? Разными правдами и неправдами можно натянуть выводъ, что Малороссія никогда не была независима, но выводъ этотъ будетъ весьма непроченъ, имѣя противъ себя весьма важныя данныя; между тѣмъ ни одно изъ племенъ, населяющихъ нашу громадную Имперію, не нуждается, можетъ быть, столько въ защитѣ противъ несправедливыхъ нападокъ, какъ малорусское. Пусть благоразумные люди и окупаютъ ему должную справедливость, однако многіе ли изъ благоразумныхъ вникали въ исторію этого племени, и кто же занимался основательнымъ изученіемъ быта этого добраго народа, который и до сихъ поръ у большинства слыветъ еще народомъ, способнымъ лишь играть роль въ какомъ нибудь комическомъ разсказѣ. Касаются ли исторіи Малороссіи, тотчасъ находятъ необходимость доказать, что она не существовала; захотятъ ли представить смѣшнымъ языкъ малоруса, исковеркаютъ русскія слова и воображаютъ, что сдѣлали дѣло; придется ли кому изобразить смѣшного глупца, берутъ малоруса, не заботясь даже хоть мелькомъ взглянуть на бытъ его, быть оригинальнымъ, стоящимъ внимательнаго изученія.

Постараюсь сдѣлать самый краткій очеркъ исторіи Южной

Руси, но считаю не лишнимъ замѣтить, что у насъ вообще смѣшиваютъ исторію Малороссіи съ исторією Сѣчи, или Запорожья, которое хотя и имѣло большое вліяніе на дѣла края, однако жило совершенно отдѣльною жизнію. Когда южныя области Руси подверглись нападенію Татаръ, и удѣльные князья не въ состояніи были противиться многочисленнымъ полчищамъ ордынцевъ, послѣдніе завладѣли нашимъ государствомъ. Но южная полоса съ помощію литовцевъ освободилась отъ Татаръ чрезъ 70 лѣтъ, и присоединилась къ Литвѣ на извѣстныхъ правахъ и привилегіяхъ, какъ вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ. Два соединенные народа жили безъ особыхъ споровъ, пока литовскій князь Ягелло не женился на польской королевѣ Ядвигѣ, и не соединилъ подъ одинъ скипетръ литовцевъ, малорусовъ и поляковъ. Всѣ эти три народа составляли одно государство и управлялись, каждый, своими собственными вождами или гетманами. Вскорѣ обнаружился духъ партій: полякамъ захотѣлось первенства, и они, а также и литовцы, начали считать Малороссію подвластною, завоеванною страню. Возникли несогласія, и жалобы со стороны малорусовъ дошли до короля. Вслѣдствіе этого изданъ былъ указъ, которымъ запрещалось укорять малорусовъ въ томъ, что литовцы ихъ освободили, но признано было, что оба эти народа соединенными силами прогнали татаръ за предѣлы отечества. Легко можетъ быть, что дѣло остановилось бы на этомъ, и дальнѣйшее развитіе польской государственной жизни, безъ сомнѣнія, пошло бы своимъ чередомъ, еслибы перстъ Божій не указалъ настоящей судьбы этого страннаго государства, считавшагося республикой, но въ главѣ которой стояли короли, словно нанимавшіеся сидѣть на престолѣ, и аристократія котораго употребляла самую страшную деспотію въ отношеніи къ низшимъ сословіямъ. Въ это время на островахъ Днѣпровскихъ, среди пустынь и степей уже возникло козачество, имѣвшее свою организацию и состоявшее изъ малорусовъ. Объ этой военной общинѣ скажу въ своемъ мѣстѣ, а здѣсь упоминаю только потому, что оно имѣетъ связь съ исторією Южной Руси. Извѣстно, что когда ученіе Лютера поколебало папскую власть, учредился орденъ послѣдователей Лойолы для поддержанія этой власти, и всѣ католическія государства, въ томъ числѣ и Польша, сдѣлались игрушкою умныхъ и пронырливыхъ Іезуитовъ. Страшно приподымать завѣсу про-

шедшаго надъ вѣками религіозныхъ преслѣдованій, инквизиціи и обращенія мечемъ и огнемъ въ католичество, не только невѣрныхъ, но и послѣдователей другихъ христіанскихъ исповѣданій,—однако нельзя не сказать, что Польша въ этомъ случаѣ превзошла въ свирѣпости даже Испанію, гдѣ фанатизмъ выходилъ далеко за предѣлы вѣроятія. Іезуиты обратили особенное вниманіе на области Южной Руси, населенной народомъ православнымъ, и, понимая, что малорусовъ невозможно прямо обратить въ католичество, изобрѣли унію, т. е. присоединивъ нѣкоторые догматы римской церкви къ греческому исповѣданію, допустили Богослуженіе на славянскомъ языкѣ, съ подчиненіемъ уніатовъ власти папы. Нововведеніе это взволновало всѣ области, населенныя православными. Стоитъ заглянуть въ исторію Уніи Бантишъ-Каменскаго, чтобы убѣдиться сколько Поляки рѣзали, жгли, четвертовали и мучили самымъ страшнымъ образомъ малорусовъ, желая обратить ихъ въ уніатовъ, и какъ все это дѣлалось во имя Христа, не далѣе XVI и XVII столѣтій!

Подобно всѣмъ странамъ и въ Малороссіи нашлись люди, которые вещественныя блага цѣнили выше небесныхъ— и перешли прямо въ католичество. Разумѣется, католическое исповѣданіе было господствовавшимъ, и многіе изъ вельможъ, древнихъ княжескихъ родовъ, какъ то: Святополки, Четвертинскіе, Сангушки и др. перемѣнили вѣру для того, чтобы имѣть значеніе при дворѣ. Глядя на нихъ и дворяне, менѣе важные, сдѣлали тоже самое, отчего свирѣпство уній стало гораздо ощутительнѣе, ибо некому было вступаться за народъ. Польское духовенство неистовствовало, принуждая простолудиновъ къ принятію уній. Кровавыя эти событія извѣстны изъ лѣтописей, не только русскихъ, но и изъ польскихъ, въ которыхъ хотя малорусы и названы «взбунтовавшимся холопствомъ», и хотя по словамъ этихъ хроникъ, одинъ полякъ побѣждалъ десятки козаковъ,—однако сами польскіе лѣтописцы пренаивно рассказываютъ, что со столькохъ-то малорусскихъ старшинъ содрали съ живыхъ кожу, такихъ-то катали въ бочкахъ, набитыхъ гвоздями, такихъ-то рѣзали по суставамъ.... И это все происходило иногда на площадяхъ варшавскихъ, въ столицѣ образованныхъ магнатовъ, посѣщавшихъ дворы европейскихъ государей! Испытывая подобныя тиранства, малорусы жаловались королямъ, но, не получая удовлетворенія, повсемѣстно поднимали ору-

жіе. Появились вожди, по большей части изучившіе военное ремесло на Запорожѣ, куда почти каждый молодой человѣкъ отправлялся козаковать,—потребовали помощи Запорожцевъ, всегдашнихъ поборниковъ православія, и послѣ страшной рѣзни, происходившей съ переменнымъ счастьемъ, именно въ гетманство Богдана Хмельницкаго, Малороссія свергла съ себя иго поляковъ, выгнала католическое духовенство и стала на такую степень, что къ гетману начали присылать пословъ иноземные государи, приглашая его съ народомъ подъ свое покровительство. Прозорливый Богданъ, котораго прахъ развѣяли мстительные поляки, и которому нѣтъ никакого памятника, предпочелъ всѣмъ Русь православную, и отдался со всѣмъ народомъ Московскому Государю на вѣчныя времена, видя въ одномъ только этомъ соединеніи будущее благо своей родины. Вотъ первая и важнѣйшая часть исторіи Южной Руси. Значитъ, съ тѣхъ поръ какъ Косинскій и Наливайко, благородные гетманы, мученическою смертію заплатившіе за оборону края, возставали противъ утѣснителей, и до присоединенія къ Великой Россіи край этотъ нисколько не былъ подчиненъ Польшѣ, составлявшій съ нею прежде государство, не какъ завоеванная область, но какъ страна, существовавшая на условіяхъ: «какъ вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ». Лучшимъ доказательствомъ этому служить отвѣтъ короля Владислава IV Богдану Хмельницкому, просившему защиты отъ утѣсненій: «У васъ есть сабли, отвѣчалъ король, и вы можете сами защищать себя, а я не въ силахъ». Выпадали промежутки, когда казаки бывали побѣждаемы, и временные побѣдители удваивали свои жестокости, но Малорусы снова торжествовали и отбились отъ своихъ лютыхъ преслѣдователей. Не касаюсь здѣсь никакихъ другихъ вопросовъ, не стану выставять какъ во время этихъ войнъ польское правительство нарушало клятвы и измѣннически умерщвляло старшинъ малорусскихъ, но скажу одно: можно ли пройти безъ вниманія эти святыя войны за вѣру, и благородное, храброе племя называть взбунтованными польскими холопами! Между тѣмъ это мнѣніе было высказано печатно, и писавшій его былъ твердо убѣжденъ, что могъ безнаказанно потѣшаться; ибо вслѣдствіе ошибочнаго взгляда на малорусовъ, нельзя было печатно же доказать этому господину всего безстыдства возмутительной клеветы. Конечно, лѣтъ около двадцати назадъ это еще могло прой-

ти даромъ какому нибудь господину, но въ наше время подобныя выходки караются всеобщимъ презрѣніемъ, и священныя страницы народной исторіи останутся священными, не смотря на грязь, бросаемую въ нихъ пристрастіемъ, вѣющимъ польскою ненавистью,—или неумѣстнымъ рвеніемъ: изъ всѣхъ силъ доказать, что Малороссія никогда не имѣла никакого значенія. Если современные ученые мало еще разработали исторію Южной Руси, то будущія поколѣнія, подвергая безпристрастному суду матеріалы, составятъ исторію этого края, и выставятъ въ настоящемъ свѣтѣ разборъ «Исторіи Малороссіи Н. Маркевича», напечатанный въ Б. для Ч.—какъ образецъ небывалой недобросовѣстности въ наукѣ. Неужели же мы живемъ во времена Петра Великаго, когда можно еще было ожидать недовольныхъ между малорусскими старшинами? Неужели же малорусы такъ просты, что не понимаютъ вещей, и наконецъ не стыдно ли изъ какихъ нибудь видовъ стараться искажать исторію, когда въ этомъ нѣтъ никакой необходимости?

Вторая половина исторіи Малороссіи до уничтоженія гетманства представляетъ уже мало интереса. Смуты, продолжавшіяся въ ней до шведской войны, довольно грустны; я не буду здѣсь, по краткости, входить въ причины. Моею главною цѣлью было очеркнуть только историческій ходъ дѣлъ въ Южной Руси, изъ котораго можно было бы судить о томъ, что такое малорусъ, надъ которымъ любятъ потѣшаться иные пріятные рассказчики, незнающіе подчасъ ни быта, ни языка, ни исторіи народа, надъ которымъ потѣшаются. *Хохолъ* и *хохлаидія*, часто встрѣчающіеся въ печати или устныхъ анекдотахъ, играютъ довольно жалкую роль, и служатъ предметомъ комическихъ рассказовъ. Не знаю, многимъ ли извѣстно происхожденіе этого названія. Когда вскорѣ послѣ присоединенія Малороссіи къ Великой Россіи, московскія войска дѣйствовали соединенными силами съ украинскими, то при столкновении двухъ племенъ необходимо должны были возникнуть и споры о превосходствѣ одного передъ другимъ, и появиться различныя прозвища, къ чему способны и то и другое. Въ Малороссіи и дониндѣ еще сохранился обычай подбривать чубъ, оставляя клокъ волосъ, именуемый *овеледцемъ* (сельдь), и по этому-то обстоятельству Великорусъ называлъ Украина *хохлою*, за что въ отмщеніе получилъ названіе *кацапа*. Это была также своего рода насмѣшка, остав-

шаяся до настоящаго времени. Малорусы брѣютъ бороды, а чепелъка съ бородою кому-то пришлось назвать *цапомъ* (козель)—вотъ откуда возникло это названіе, повсемѣстно употребляющееся въ Малороссіи.

Малорусскій народъ, тихій, добрый и необыкновенно домовитый, рѣзко отличается отъ своего сѣвернаго собрата типомъ, языкомъ, одеждою, нравами и обычаями, и если уступаетъ послѣднему въ промышленности, то превосходитъ въ удобствахъ домашней жизни, имѣя для этого всѣ средства, предоставляемыя благораствореннымъ климатомъ. Превосходныя пастбища позволяютъ ему заниматься скотоводствомъ и овцеводствомъ; изобиліе хлѣба даетъ возможность держать домашнюю птицу, а рѣки и рѣчки, протекающія по обширной территоріи, чрезвычайно рыбы, и доставляютъ средства малорусу разнообразить свою пищу.

Хотя обликъ этого племени и принадлежитъ къ типу кавказскому, однако оно не похоже на великорусское, принадлежащее къ тому же типу, а имѣетъ болѣе сходства съ азіатскими народами, и когда, удаляясь отъ большихъ городовъ и почтовыхъ и транспортныхъ дорогъ, встрѣчаешь бритыя головы, на которыхъ оставленъ лишь небольшой чубъ, то сходство съ кавказскими горцами становится поразительно. Малорусъ, какъ сказано выше, брѣетъ бороду (исключая нѣсколькихъ уѣздовъ Харьковской и Черниговской губерній, да кромѣ нѣкоторыхъ стариковъ, допускающихъ это украшеніе). Усы у него растутъ внизъ въ естественномъ направленіи и часто достигаютъ до огромной величины, что придаетъ воинственный видъ этому племени, которое, впрочемъ, еще не такъ давно оставило оружіе. Интересенъ куплетъ одной пѣсни, сочиненной въ концѣ прошлаго столѣтія, въ которой выражается сожалѣніе о прекращеніи войны:

Да вже шаблі поржавіли,
Мушкети безъ курківъ,
А все серце козацьке
Небоїтьца Турківъ.

Мнѣ кажется, куплетъ такъ понятенъ каждому незнакомому съ языкомъ, что переводъ его былъ бы совершенно излишнимъ.

О языкѣ малорусскомъ еще до сихъ поръ существуютъ у

насъ различные мнѣнія, и хотя II Отдѣленіе Академіи Наукъ признало его за отдѣльное нарѣчіе и приобрѣло у меня словарь этого нарѣчія, начатый Академіею въ 1854 году, однако это нисколько не мѣшает многимъ считать его испорченнымъ языкомъ великорусскимъ. Между тѣмъ кто серьезно занимался отечественнымъ словомъ, кто понимаетъ дѣло, тотъ не можетъ не принять въ соображеніе весьма важнаго обстоятельства, что малорусы, искони обитавшіе по Днѣпру и его бережьямъ, слѣдовательно прямые потомки Славянъ, до христіанской эпохи жившихъ на этихъ мѣстахъ,—должны же были наследовать языкъ отъ предковъ. Нельзя же предположить, чтобы сѣверныя и южныя отрасли Славянъ говорили однимъ нарѣчіемъ, и чтобы Сѣверная Русь сохранила его, а Южная измѣнила до степени нынѣшняго! Что языкъ церковный не былъ разговорнымъ народнымъ языкомъ—объ этомъ даже говорить въ наше время будетъ лишнимъ, но что Славяне эпохи до-христіанской и до-татарской, не говорили, какъ говорятъ теперь Великорусы, въ этомъ тоже, кажется, нѣтъ сомнѣнія. Конечно не говорили они и по малорусски, однако послѣднее нарѣчіе нельзя сказать, чтобы уже слишкомъ удалилось отъ первобытнаго источника. Къ сожалѣнію, мы такъ мало имѣемъ памятниковъ, чтобы рѣшать дѣло непогрѣзительно; однако въ нихъ встрѣчаются не только слова, а даже цѣлые обороты, существующіе и донинѣ въ малорусскомъ языкѣ, которые подтверждаютъ вышесказанное предположеніе. При разборѣ Слова о Полку Игоря, переведеннаго г. Гербелемъ (Пантеонъ, 1854. № 3), мною были приведены нѣкоторые мѣста изъ «Слова», доказывающія сходство не только въ оборотахъ, но даже въ способѣ выраженія, съ старинными козацкими малорусскими пѣснями, извѣстными подъ названіемъ *Думъ* у насъ въ литературѣ. Не беру на себя смѣлости говорить утвердительно, однако не могу не высказать убѣжденія, возникшаго у меня вслѣдствіе долго-временныхъ занятій нарѣчіемъ племени, къ которому принадлежу. Пѣвецъ «Слова», воспѣвавшій подвиги Игоря, не долженъ быть простымъ безграмотнымъ воиномъ. Напротивъ, онъ былъ человѣкъ образованный по тогдашнему, и не импровизировалъ пѣсни, какъ импровизировалъ ее козакъ малорусскій, а обдумалъ и сочинилъ на заданный себѣ предметъ. Въ то время, да и гораздо позднѣе, образованіе истекало у насъ изъ монастырей

отъ духовенства. Вскорѣ послѣ перевода книгъ на церковно-славянскій языкъ, все грамотные люди, принимаясь за перо, невольно подражали библейскимъ оборотамъ, и вотъ почему «Слово о Полку Игоревѣ» написано не на языкѣ народномъ. Примѣровъ этому искать недалеко. Даже въ настоящее время, когда книжный тяжелый языкъ почти забытъ, а все стараются писать живымъ разговорнымъ языкомъ, встрѣчаются, въ особенности въ дѣловыхъ бумагахъ, мѣста не только сбивчивыя, но даже темныя, оттого, что человѣкъ, принимаясь за перо, не пишетъ просто какъ думаетъ и какъ дѣло складывается у него въ головѣ, но старается щегольнуть цвѣтистыми выраженіями, и для этого употребляетъ слова совершенно излишнія. Древній пѣвецъ не вездѣ однако же выдерживаетъ церковно—славянскій языкъ, и въ минуты вдохновенія у него льется живая рѣчь, и народный языкъ пробивается наружу.

Съ открытіемъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ памятниковъ малорусской письменности, какъ то: «Лѣтопись Самовидна», «Лѣтопись Самуила Величка», многіе указываютъ въ нихъ на частыя польскія слова и говорятъ, что прежнее малорусское нарѣчіе изобиловало полонизмами. На это можно сказать, что во времена позднѣйшія, въ особенности въ дѣловыхъ бумагахъ—оно отзывалось еще и русицизмами,—однако изъ этого нельзя выводить смѣлаго заключенія, что малорусы употребляютъ великорусскіе обороты. Малороссія была присоединена къ Польшѣ, а потомъ съ половины XVII столѣтія къ Московскому царству. Весь грамотный людъ т. е. лица, преимущественно занимавшіяся письменною частью, прежде старались употреблять польскіе обороты, а потомъ великорусскіе. Вотъ почему ни эти лѣтописи, конечно любопытныя для историка, ни эти акты не должны входить въ расчетъ филолога. Возьмемъ настоящую эпоху и возьмемъ не только официальную бумагу сельскаго писаря, но даже его частное письмо. Въ первой онъ старается писать по-русски, и лишь изрѣдка проскакиваютъ у него малорусскія слова; во-второмъ онъ пишетъ по-малорусски, но щеголяетъ книжными великорусскими выраженіями. Неужели же чрезъ сто лѣтъ филологъ, по этимъ памятникамъ, долженъ будетъ дѣлать заключеніе, что въ 1860 году, въ Малороссіи не существовало уже особеннаго малорусскаго нарѣчія, но что народъ и говорилъ, и писалъ почти по-русски? Считаю неумѣстнымъ и недобросо-

вѣстнымъ говорить бездоказательно, привожу нѣсколько примѣровъ изъ документовъ письменныхъ и устныхъ, для сличенія.

Нѣтъ данныхъ, по которымъ можно бы судить о древности той или другой народной пѣсни; но, мнѣ кажется, нельзя однако же не признать древними отрывковъ изъ пѣсень въ честь нѣкоторыхъ языческихъ обрядовъ, не совершенно еще исчезнувшихъ на иныхъ мѣстностяхъ Малороссіи. Празднованіе Купала уже достаточно для подтвержденія словъ моихъ,—слѣдовательно куплетъ изъ подобной обрядной пѣсни можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ, что языкъ этой пѣсни весьма древній:

Допалимо та соломоньку,
Та ходімо та до домоньку!
Лежи, лежи та Купалочку,
Въ червоному та багаттячку.

А вотъ образчикъ канцелярскаго слога 1654 года,—отрывокъ изъ письма гетмана Хмельницкаго въ Кошъ о желаніи отдаться подъ покровительство Государя Московскаго:

«Гдижъ ми яко махину войны зъ Поляками зачинали не безъ воли и совѣта Вашего, братѣ нашої, такъ и сего не меншого дѣла, о протекци помененной Московской, безъ Вашего-жъ соизволенія и поради чинити не хочемъ; и любо уже учинилисмо о томъ зъ совѣтомъ старшины нашої до Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества и Самодержца Всероссійскаго одозвъ нашъ, однакъ безъ вѣдома и соизволенія Вашего, дѣла того кончити не будемъ. Рачте теди Вашмость Мосцѣ Панство, безъ найменшого одкладу ретельній на первое обширное писаніе наше учинити къ намъ респонсъ, пыльно и повторне жадаемъ, и Ихъ же въ сохраненіе Господу Богу поручаемъ. (Лѣтопись Самуила Величка, т. I, стр. 167—168).

Отрывокъ изъ отвѣта Коша Запорожскаго Богдану Хмельницкому:

«На письмо Ваше Гетманское обширное, прошлого лѣта до насъ писаное, не учинилисмо отвѣта до сего времени для того, же твоя Гетманская Мосцѣ зо всѣмъ войскомъ Козацкимъ зоставалъ чрезъ все лѣто въ Полци и на Подолу подъ Жванцемъ, въ чомъ просимъ вельце Вашой Гетманской Мосцѣ вибаченя; а теперъ на поменное письмо Ваше Гетманское отвѣтуючи,

выражаемъ сіе, ижъ ми оное совершенно зрозумѣли, и нетилько зъ писма того познаемъ, але и ясно видимъ нашимъ очима, же уже намъ зъ Поляками, *якъ зъ змією комуся фостѣ отьпечений и муцею* отнюдъ згодится и до першої прійти пріязни не возможно; поневажъ они всему злу и войнѣ будуги початкомъ и причиною, и чрезъ шестолѣтнюю войны операцію видячи якъ въ коронѣ своей, такъ и въ Украини нашої Малороссійской доволніе попели зъ поселеніи людскихъ и костей людей войною побитыхъ по полямъ лежачіе, ни мало своего сердца не хотять смягчити, и переставши своей гнѣвной завзятости къ намъ, до первой, при утвержденіи давнихъ правъ и свободъ нашихъ, прійти пріязни и згоди. Теди и ми большей отъ сего времени о ихъ пріязни Вашей Гетманской Мосцѣ старатися не радимъ, а замысль Вашъ, що удалися и бути зо всѣмъ народомъ Малороссійскимъ, по обохъ сторонахъ Днѣпра будучимъ, подъ протекцію Великодержавнѣйшого и Пресвѣтлѣйшого Монарха Россійскаго, за слушний бити признаваемъ, и даемо нашу войсковую Вамъ пораду, абысте того дѣла не оставляли и оное кончили, якъ ку наймутшой ползѣ отчизнѣ нашої Малороссійской и всего войска Запорожскаго. (Тамъ же, стр. 168—169).

Не принявъ во вниманіе вышеприведеннаго мнѣнія, можно заключить, что малорусскій языкъ той эпохи изобилывалъ полонизмами. Если ссылаться на подобные факты, то чужеземецъ, не вникнувшій въ дѣло, выведетъ такое же заключеніе и о русскомъ языкѣ временъ Петра Великаго, наполненномъ иностранными выраженіями. Представивъ образчикъ канцелярскаго языка временъ Богдана Хмельницкаго, я привожу старинную пѣсню на смерть того же самаго гетмана, сложенную бандуристомъ, вѣроятно, чрезъ нѣсколько дней по кончинѣ «Батька» любимаго всею Украиною. Мнѣ кажется, что не найдется челоуѣка, который заподозрилъ бы подлинность этихъ пѣсень, съ трудомъ собранныхъ совѣстливыми учеными и любителями, какъ гг. Срезневскій, князь Цертелевъ, Лукашевичъ и Максимовичъ, а потому онѣ будутъ служить самымъ лучшимъ примѣромъ народнаго языка извѣстной эпохи. Въ приводимой пѣснѣ нѣтъ ни одного чужаго слова, и хотя она не заключаетъ въ себѣ поэтическаго достоинства, однако прекрасныя послѣд-

нія строки ея замѣчательны по художественной простотѣ, вѣю-
щей истинною поэзією

«Зажурилася Хмельницького сідая голова:
«Що при ёму ви сотникив, ви полковникив нема;
 • Часъ приходить узирати,
 • Нікому поради дати!
«Покликне вінъ на Івана Луговського
 • Писаря військового
 «—Іванъ Луговський,
 «Писаръ військовий!
 «Скоріше бѣжи,
 «Да листи пиши,
«Щобъ сотники, да полковники до мене прибували,
 «Хоть мало пораду давали».
 «То Іванъ Луговський,
 «Писаръ військовий,
 «Листи писавъ,
 «До усіхъ розсилавъ.
«То сотники, полковники якъ ихъ прочитали,
 «Усе покидали
«До Гетьмана Хмельницького скорішъ прибували.
 «То Гетьманъ добре їхъ приймає,
 «Словами промовляє:
«—Панове—молодці! добре ви дбайте,
 «Собі гетьмана наставляйте;
 «Бо я старъ, болю,
 «Вільшъ гетьманомъ не зділю...
«Коли хочете, панове, Антона Волочая Киевського,
 «Або Грицька Костира Миргородського,
 «Або Хвилона Чичая Кропивьянського,
 «Або Мартина Пушкаря Полтавського».
 «То козаки тее зачували,
 «Смутно себе мали,
 «Тяжко воздыхали,
 «Словами промовляли:
«—Нетреба намъ Антона Волочая Киевського,
 «Ні Грицька Костира Миргородського,
 «Ні Хвилона Чичая Кропивьянського,
 «Ні Мартина Пушкаря Полтавського;
 «А хочемъ ми сина твого Юруся молодого,
 «Козака дейстрового»!
«—Вінъ, панове-молодці, молодий розумъ має,
 «Звичайвъ козацькихъ не знає».
«—Будемъ ми старихъ людей біля ёго держати,
 «Будуть вони ёго научати:
 «Будемъ ёго добре поважати,
 «Тебе батька нашого гетьмана споминати»!
«То Хмельницький тее зачувавъ, великую радість мавъ
 «Сідою головою поклонъ отдававъ,
 «Слѣзи проливавъ.

«Скоро після того ще й гірше Хмельницький знемогає;
 «Опрощення зо взіми приймає,
 «Милосердному Богу душу отдає.
«То не чорні хмари ясне сонце заступали,
«Не буйні витри у темнімъ лузі бушували,
 «Козаки Хмельницького ховали,
 «Батька свого оплакали».

(Сборникъ Украинскихъ народныхъ пѣсень, М. Максимовича,
стр. 77—80).

Въ позднѣйшихъ малорусскихъ официальныхъ бумагахъ замѣт-
но вліяніе языка великорусскаго, а между тѣмъ народный языкъ
и пѣсни все тѣ же, что и въ древнѣйшую эпоху. Многіе изъ
земляковъ моихъ пробовали писать по-малорусски, но попытки
эти предпринимались для пріятнаго препровожденія времени зем-
ляковъ, а не,—какъ полагають нѣкоторые,—для развитія ма-
лорусской литературы. Малороссія, слившаяся съ Великою Русью,
дружно шла съ послѣднею по пути развитія, и не одинъ мало-
русь былъ замѣчательнымъ дѣятелемъ на поприщѣ русскаго сло-
ва. Но если образованное сословіе приняло и усвоило себѣ рус-
кій языкъ и общеевропейскіе обычаи, то простолюдинъ сохра-
нилъ все свое, и потому и языкъ его остался такимъ, какимъ
былъ въ незапамятное время. Не желая перефразировать высказы-
ванаго прежде, я привожу одно мѣсто изъ предисловія къ моему
словарю:

«Занимаясь очень долго изученіемъ этого нарѣчія, я имѣлъ
случай прослѣдить его на всемъ пространствѣ, и замѣтилъ въ
немъ нѣсколько оттѣнковъ: А) языкъ чистый заключается въ гу-
берніяхъ: Полтавской, Екатеринославской, въ южныхъ и восточ-
ныхъ (приднѣпровскихъ) уѣздахъ Кіевской губерніи, въ южныхъ
уѣздахъ Черниговской и въ Херсонской губерніи, а также и въ
Черноморіи. В) Нарѣчіе съ преобладаніемъ полонизмовъ: въ По-
дольской, Волынской и остальныхъ уѣздахъ Кіевской губерніи—
весьма близкое къ червонорусскому. С) Нарѣчіе харьковское въ
Харьковской, въ части Воронежской и Курской губерній, проис-
шедшее отъ червонорусскаго, въ которое вошли однако же нѣ-
которыя измѣненія, вслѣдствіе ближайшаго сосѣдства съ Вели-
кою Россією. Сюда же относится и Земля Войска Донскаго (Харь-
ковская губернія населена выходцами изъ-за Днѣпра, принесши-
ми свой выговоръ) и D) нарѣчіе черниговское, въ сѣверныхъ

уѣздахъ Черниговской губерніи, сильно отзывающееся бѣлорусскимъ.

«Я помѣстилъ въ своемъ словарѣ все слова, существующія въ малорусскомъ нарѣчій, приведя ихъ въ азбучный порядокъ, хотя конечно найдутся слова, которые могли ускользнуть отъ меня по какому бы то ни было случаю. Все выраженія, почему ни-будь могущія показаться странными, я подкрѣпляю строфами изъ народныхъ пѣсень, въ доказательство, что они существуютъ въ народѣ. Я внесъ на страницы словаря даже остатки затерянныхъ глаголовъ, что, замѣчу мимоходомъ, служить самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ древности языка. Сколько, напримѣръ, потребно времени, чтобы утратился глаголъ, оставляя одно лице повелительнаго наклоненія, каковы: *же*, дай, *кѣте*, дайте; *геть*, поди прочь, *гѣтте*, подите прочь? Есть нѣсколько словъ, неупотребительныхъ уже въ разговорѣ, но они существуютъ въ древнихъ пѣсняхъ, — слѣдовательно служили долго, и въ свое время были необходимы.

«При этомъ нельзя не замѣтить, для людей любознательныхъ, которые вздумали бы сами наблюдать языкъ въ устахъ народа; нельзя, повторю, не замѣтить въ видѣ предостереженія, что малорусъ, вслѣдствіе какихъ быто ни было причинъ, выходя изъ нормальнаго состоянія, создаетъ, импровизируетъ слова, которые за-частую умираютъ въ тотъ же мигъ, а иногда повторяются нѣкоторое время на извѣстномъ разстояніи. Но слова эти легко различить тонкому наблюдателю и разумѣтся знатоку нарѣчій. Иногда глаголъ можетъ поразить филолога, если послѣдній не знакомъ съ краемъ и его особенностями. Такъ, напримѣръ, придется услышать фразу: *Я тебе посковороджу*, слѣдовательно должно записать глаголъ: *сковородитъ*, между тѣмъ какъ его нѣтъ и въ поминѣ. Какимъ же образомъ изъ существительнаго *сковорода* составилъ глаголъ? Разгадка очень проста. Ребенокъ, играя со сковородой, роняетъ ее и разбиваетъ какую-нибудь вещь. Мать видитъ, и начинаетъ бранить дитя: зачѣмъ ты разбила?—Это не я, отвѣчаетъ ребенокъ, а упала сковорода.—Ось я тебе *посковороджу*! т. е. вотъ я уже накажу тебя!»

Одежда малорусовъ, какъ мужская такъ и женская, какъ лѣтняя такъ и зимняя, нисколько не похожа на великорусскую, отъ рубахи до шапки; да и самая обувь совершенно другаго по-

крою. Рубаха у малоруса непременно полотняная съ маленькимъ воротомъ, часто вышитымъ, завязывающимся посрединѣ шнуркомъ или лентой, надѣвается подъ шаровары. Штаны себѣ онъ шьетъ чрезвычайно широкіе, особенно въ *матнѣ* (шагѣ), опускающейся часто ниже колѣнъ, и непременно съ карманами (кишеня). У болѣе богатаго штаны бываютъ пестрядинные (пистря), у иныхъ выбойчатые, зимою суконные; все они стягиваются *очкуромъ*, вдѣваемымъ изнутри. Малорусъ опускаетъ свои штаны въ голенища. Верхнихъ одеждъ у него нѣсколько. Самая легкая лѣтняя—это суконная *юпка* (родъ пальто), сѣрая или бѣлая съ цвѣтными выпушками и застегивающаяся кожаными пуговками. Потомъ слѣдуетъ *каптанокъ* (полукафтанъ) тоже суконный, и это большей части принадлежность парубка (парня) или и женатаго, въ первые годы брака. Сверхъ каптанка или юпки, а зимою сверхъ кожуха надѣвается *свита* (родъ армяка), или *кирея* (широкая свита съ капишономъ), или *кобенякъ* (таже кирея, но менѣе полная). Все эти роды одежды болѣе или менѣе одинаковы на всехъ мѣстностяхъ, различествуя лишь иногда украшеніями, исключая сѣверной части Малороссіи (нѣсколько уѣздовъ Черниговской губерніи, гдѣ простолюдины не только одѣваются, но и говорятъ по-бѣлорусски). Капишонъ (*видлога*, *кобка*, а въ иныхъ мѣстахъ *богородиця*) бываетъ различныхъ формъ, но имѣетъ одно общее назначеніе защищать голову отъ непогоды, потому что, надвинувъ его на шапку, нечего бояться ни слякоти, ни мятели: онъ охраняетъ голову не только сзади, но и съ боковъ, представляя отверстіе лишь спереди. Попадаются и жупаны, но какъ исключеніе, потому что эта одежда уже вывелась изъ употребленія. Шапка у малоруса изъ мерлушекъ (смушки) черныхъ или сѣрыхъ, даже изъ бѣлыхъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень высокая, съ суконнымъ верхомъ, а въ иныхъ просто вся изъ мерлушекъ. Эта шапка носится постоянно во все времена года; но бываютъ селенія, гдѣ въ обычаѣ носить лѣтомъ *бриль* (круглая шляпа съ широкими полями); встрѣчаются иногда *брили* соломенные, мѣстнаго производства, сплетенные довольно искусно. Зимою носятъ кожухи, которые бываютъ, смотря по состоянію, очень дорогіе, если сдѣланы изъ сѣрыхъ или агнячихъ мерлушекъ. *Чоботи* (сапоги) у малоруса богатаго бываютъ сафьянные (сапьянці) или изъ хорошей юфти, а у тѣхъ кто побѣднѣе—изъ воловьей кожи,

даже изъ лошадиной (шкапові). Покрой этихъ сапоговъ свой особенный, на широкой подошвѣ съ тупо закругленнымъ носкомъ, и безъ подбора, съ длинными *халаями* (голенище). Лѣтомъ многіе носятъ *черевикки* (башмаки), надѣваемые на босую ногу. У самыхъ же бѣдныхъ, а у пастуховъ преимущественно, есть особая обувь, родъ кожаныхъ лаптей, *постолы*. Это четырехъ-угольный кусокъ кожи, параллелограмъ, загнутый и скрѣпленный напередѣ, который имѣетъ по сторонамъ ремянные или веревочные завязки, именуемые *волоками* и обвязываемыя вокругъ ноги, поверхъ онучи. Лаптей малорусы не носятъ, за исключеніемъ упомянутыхъ уѣздовъ Черниговской губерніи, похожихъ на Бѣлоруссію. Вотъ и весь уборъ. Но нельзя не замѣтить здѣсь, что этотъ же самый нарядъ у пожилаго и у парня имѣетъ различіе, конечно не въ качествѣ матеріала, но въ покроѣ. Прилагательное *парубоцький* (свойственный, принадлежащій парню) обозначаетъ вещь красивую, ловко сдѣланную.

Малорусскій женскій нарядъ совершенно оригинальный. Рубахи, обыкновенно холстинныя, бываютъ, въ особенности у дѣвушекъ и *молодицъ* (молодыхъ замужнихъ женщинъ), вышиты на рукавахъ и на подолѣ необыкновенно красиво. Вышитый подолъ называется *ляховка*. Это очень похоже на вышитыя юпки современныхъ щеголихъ образованнаго класса. Въмѣсто исподницъ, которыя впрочемъ усвоены горожанками и дворовыми помѣщичьими крестьянками, — простонародье обертываетъ станъ двумя кусками матеріи, привязывая ихъ поясомъ. Ткань эта носитъ двойное названіе: *плахта* и *запаска*. Первая бываетъ парчевая и шерстяная, въ клѣткахъ или цвѣтахъ; а вторая: а) обыкновенная шерстяная (запаски), б) *каламайка* (стаметь) и в) *квітчаста запаска*, кусокъ хорошей шерстяной или шелковой матеріи съ пестрыми цвѣтами. Какъ плахта такъ и запаска раздѣляются на двѣ половины, и задняя, надѣваемая прежде, зовется *позадниця*, передняя же, надѣваемая послѣ, въ родѣ фартуха — *попередниця*. Пояса бываютъ очень дорогіе парчевые и шелковые, но обыкновенно шерстяные и преимущественно красные. Лѣтомъ, въ особенности дома, малороссіянка остается въ этомъ костюмѣ, но въ другія времена года, и при выходѣ изъ дому, всегда у нея есть иные наряды. Лѣтомъ дѣвушки и молодыя женщины носятъ: а) *шпретъ* (коротенькое пальто безъ рукавовъ); б) юпку такую же какъ и мужская, только гораз-

до короче и сшитую со сборками. У богатыхъ юпки бывають *баеві* (байковыя) зеленныя съ красными мушками, и суконныя; с) длинную свиту тонкаго сукна съ усиками назади. Въ иныхъ мѣстахъ сохранились еще, наслѣдіе прабабокъ, *кунтуши*, которые и надѣваются въ торжественные случаи или въ большіе праздники. Голову дѣвушки рѣдко гдѣ покрываютъ платкомъ, но преимущественно убирають ее *стрѣчками* (лентами), обвязывая ихъ такимъ образомъ, чтобы концы ниспадали сзади вмѣстѣ съ косою, въ которую тоже вплетены ленты (косники). За ленту, идущую вокругъ головы, затыкаются цвѣты, весною и лѣтомъ живые, въ прочія времена года искусственные. Въ иныхъ мѣстахъ заплетаютъ волосы въ *дрібунки* (мелкія косы) и связываютъ ихъ по срединѣ. Женщины носятъ *очіпки* (чепцы) парчевые, ситцевые, полотняные и просто покрываютъ головы платкомъ. Въ иныхъ уѣздахъ сохранился еще обычай носить *намѣтки*. Это особенный родъ ткани (*серпанокъ*) очень жидкой, и туго накрахмаленной, длинныя куски которой обвиваются вокругъ чепца и спускаются на затылкѣ, ниже талии; небольшой лоскутъ проходитъ подъ бородою отъ одного виска къ другому. Уборъ этотъ въ некоторомъ образѣ напоминаетъ головной уборъ грузинокъ. Женскіе сапоги въ иныхъ мѣстахъ и разумѣются у богатыхъ, сафьянные, а по большей части обыкновенной кожи. Зимой и вообще когда холодно, женщины носятъ *кожушанку* (юпка на мѣху), и просто кожухъ, сшитый съ тѣмъ различіемъ отъ мужскаго, что воротникъ у него отложной полукруглый, и самый кожухъ дѣлается гораздо полнѣе.

Дѣтская одежда шьется обыкновенно на выростъ; нерѣдко увидишь крестьянскихъ мальчиговъ и дѣвочекъ, одѣтыхъ какъ бы въ чужое платье, хотя они зачастую прибѣгаютъ къ отцовскому и материнскому наряду. Впрочемъ, дѣтскую одежду шьютъ одни достаточные, а бѣдные люди отдають донашивать свою старую.

Матеріалъ для одежды, за малыми исключеніями, малорусъ приготовляетъ дома, стараясь истратить на себя какъ можно менѣе денегъ; холстъ, сукно, кожа, овчины, мерлушки — все это у него свое, и шьется мѣстными ремесленниками за весьма дешевую, почти невѣроятную цѣну. Самые женскіе уборы приготовляются дома, хотя здѣсь конечно предстоятъ гораздо большіе расходы, принявъ во вниманіе, что во многихъ мѣстахъ

въ обычаѣ носить сафьянные сапоги. Ленты, монисты, узорныя или цвѣтныя запаски, добываемыя на ярмаркахъ, платки, кольца, сережки, приносимыя ходебщиками (великорусскими крестьянами), круглый годъ бродящими по Малороссіи, все это иногда стоить малороссіянкѣ всей ея экономіи, состоящей конечно изъ весьма ограниченной суммы. И мужчины, въ свою очередь, особенно парни, не могутъ обойтись безъ расходовъ: иному захочется купить городскіе сапоги, другому молодецкую шапку, тотъ мечтаетъ о добромъ поясѣ, и копить на него деньги, а иной истратитъ рубль ассигнаціями на кореньковую трубку въ красивой мѣдной оправѣ съ цѣпочкою и мѣдною протычкою.

Холстъ выдѣлывается изъ конопли и изъ льна. По уборкѣ этихъ растений, и послѣ вымолота конопли, одинъ сортъ которой, *матірка*, бываетъ съ сѣменами, а также послѣ вымолота льна, женщины получаютъ ихъ въ свое полное вѣдѣніе. Первый приемъ при этомъ случаѣ—намочить эти растенія въ водѣ, гдѣ они остаются столько времени, сколько нужно для удобнаго отдѣленія волоконъ отъ стебля,—и вынуть ихъ, разостлать для просушки. Когда конопля и ленъ достаточно высохнутъ, ихъ перевозятъ или переносятъ домой, и бьютъ о жерди, поставленныя стоймя подъ острымъ угломъ, а въ иныхъ мѣстахъ (преимущественно ленъ) колотятъ на землѣ *траниками* (вальками). При этомъ производствѣ стебли собственно только ломаются и отдѣляется крупная кострика; но для очищенія волоконъ употребляются *терничи* (терки), почти допотопнаго устройства. Изъ терокъ прядиво выходитъ уже въ очищенномъ видѣ и связывается въ *жмені* (извѣстнаго объема космы), которыя скручиваются въ *повісма*. У хорошихъ хозяекъ прядиво навивается на обручъ, и хранится въ кругахъ, съ которыхъ и сымается по мѣрѣ надобности. Изъ выдѣлываемаго такимъ образомъ прядива, женщины приготавливаютъ *мочки* (мочки), расчесывая его щеткою и гребенкою, и занимаются пряжею, по способу самому незатѣливому, употребляя обыкновенный гребень (за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ Черн. и запад. губ., гдѣ употребляютъ кудель). Гребень этотъ представляетъ фигуру тонкой лопаты, въ широкомъ концѣ которой прорѣзаны зубья, и втыкается въ *дныще*, въ дощечку, гладко выстроганную, на концѣ которой выдѣлывается для этого отвѣстіе, въ небольшомъ порожекѣ. Наложивъ мочку такъ, что половина ея остается по

задней части гребня, пряжа завивается послѣднюю, а первую начинаетъ прясть, навивая нитку на веретено, которое журчитъ въ рукахъ искусной мастерицы, и бывъ заверчено обѣими руками, долго кружится, наматывая на себя нитку, выводимую лѣвою рукою. Приемъ этотъ выражается глаголомъ *посукдвать*. Напрявъ извѣстное количество, пряжа сматывается *починки* на мотовило, и считая по 3 нитки въ *чисницѣ*, и по десяти чисницъ въ пасмѣ, наблюдаетъ, чтобы на мотовилѣ выходило 25 *пасомъ*, что составляетъ *півмітокъ* (полмотка), и тогда сымаетъ его, и вѣшаетъ гдѣ нибудь на жердь. У козачекъ и казенныхъ крестьянокъ норма мотка 50 пасомъ, а у помѣщичьихъ 60. Мотки эти сматываются потомъ на *витулицѣ* въ клубки, бывающіе произвольной величины. Когда собирается достаточное количество пряжи, такъ что по соображенію хозяйки довольно уже на основу и на утокъ, она приступаетъ къ основѣ, на какой предметъ у порядочныхъ хозяекъ и есть *снівниця* (сновальный снарядъ) незатѣливаго устройства. Это параллелограмъ, по короткимъ сторонамъ котораго вбиты деревянные загнутые крючки, на которыхъ и кладется пряжа извѣстнымъ способомъ. По окончаніи этой работы, хозяйка, если она *ткаля* (ткачиха), принимается сама за тканье, или передаетъ основу кому нибудь изъ своихъ, кто знаетъ это ремесло; но если никто изъ домашнихъ не можетъ ткать, то она относитъ матеріалъ на сторону и договаривается.

Отъ количества пасомъ, употребленныхъ на основу, и холстъ получаетъ свое названіе: девятки, десятки, двѣнадцатки и т. д.; здѣсь также принимается во вниманіе и качество пряжи: девятка толще десятки, десятка толще двѣнадцатки и т. д. Кромѣ холста, достаточные ткнутъ еще *ручники* (полотенца), играющіе важную роль въ жизни малорусской невѣсты, и *хустки* (платки), иными дѣвушками вышиваемыя красною и синею бумагою.

Но не одни только эти произведенія получаютъ изъ конопли и льна. Выпряденныя мочки, представляющія массу *клочья* (хлопки) грубыхъ волоконъ, поступаютъ снова въ пряжу. Если льняныя и посконныя хлопки вновь перемыканы, то изъ нихъ выпрадаютъ *клочѣнку*—нити довольно толстыя, изъ которыхъ ткнутъ скатерти, а недостаточныя люди и *ручники*; мочки же неперемыканныя даютъ *валъ*—самыя толстыя шероховатыя нит-

ки. Изъ валу ткнуть *рядовину* на мѣшки и *рядна* (грубыя простыни и одѣяла), а также подстилки, на которыхъ сушатъ зерновой хлѣбъ.

Ткачество не доставляетъ ремесленнику большихъ выгодъ, какъ потому, что въ каждой деревнѣ занимаются имъ нѣсколько мужчинъ и женщинъ, такъ и потому, что усидчивая, кропотливая работа эта требуетъ много времени. Вообще замѣчено, что ткачи и ткачихи не пользуются хорошимъ здоровьемъ, находясь лѣтомъ и зимою постоянно въ хатѣ, и сидя въ неестественномъ положеніи. При этихъ невыгодныхъ условіяхъ, они ежеминутно должны дѣйствовать руками и ногами, что приводитъ у нихъ постоянную испарину.

Сукно готовится точно также дома. Шерсть, добываемая съ овецъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, поступивъ сначала къ *шаповалу* (шерстобиту), выпрядается потомъ, ягнячья особо, а со старыхъ овецъ особо, и снуется описаннымъ способомъ, какъ и полотно. Ягнячье сукно предпочитается, потому что оно гораздо мягче и красивѣе. Сукно бываетъ двойное: лучшее, въ которомъ шерстяные утокъ и основа (*по самому сукну*), и худшее, въ которомъ основа нитяная, а только утокъ шерстяной (*по порту*). Получивъ сукно отъ ткача, хозяева прячутъ его до пріѣзда рабочихъ изъ сукновалень, которыя устроены на большихъ рѣкахъ и дѣйствуютъ водою. Промышленники эти пріѣзжаютъ въ село, развозятъ валенныя сукна, и забираютъ новыя, возвѣщая свой пріѣздъ протяжнымъ крикомъ: «*По сукно, по валене, по сукно*». Мѣра тканей у простолюдиновъ считается еще на локти, и потому, измѣривъ какъ слѣдуетъ сукно, сукновальщикъ дѣлаетъ бирку, нарубаешь на нее число локтей, и разрѣзавъ ее пополамъ вдоль, одну половину привязываетъ къ сукну, а другую отдаетъ хозяину для сличенія, когда послѣдній имѣетъ получить свою собственность.

Большая часть суконной одежды готовится въ селахъ мѣстными портными, но и въ городахъ значительное количество *свитникововъ* (портныхъ, шьющихъ свиты) занимается шитьемъ этой одежды для продажи.

Часть женскаго наряда, именуемая запасками, въ особенности простыя запаски, готовятся домашними средствами: женщины ихъ ткнуть и потомъ красятъ *калію*. Производство другого вида этой одежды, болѣе роскошнаго, т. е. *плахты*,

встрѣчается гораздо рѣже, во-первыхъ потому, что сюда входятъ разноцвѣтныя нитки, для окраски которыхъ требуется разнородный матеріалъ, во-вторыхъ и потому, что надо выткать узоры. Вотъ причины, по которымъ *плахты* преимущественно покупаются на ярмаркахъ. Пояса, какъ мужскіе, такъ и женскіе, выдѣлываются дома, но не всѣми, тоже потому, что надо красить шерсть, а это сопряжено съ нѣкоторымъ искусствомъ, переходящимъ обыкновенно отъ матери къ дочери по преданію. Красильныя вещества: *кармазинъ* (кошениль), *калія*, красный и черный сандалъ (*кѣрка и бразомля*) покупные, а червецъ, *марена* и *дрокъ* туземные, всегда у малороссіянокъ подъ рукою. Люди достаточные употребляютъ для краснаго цвѣта *кармазинъ*, но большинство замѣняетъ его *червецомъ* (малоросс. кошениль), который заслуживаетъ, чтобы упомянуть о немъ. Это яички насѣкомаго, находимыя подъ извѣстной травой. Около половины іюня, еще до начала косовицы, трудолюбивыя женщины и дѣвушки отправляются въ степь, запасшись ножомъ и глинянымъ сосудомъ, и отыскавъ кустики упомянутой травы, называемой *черотинникъ*, выкапываютъ ее осторожно съ корнемъ, возлѣ котораго лежатъ уже багровыя яички насѣкомаго въ видѣ коноплянаго сѣмени. Подобное яичко наполнено яркою красною жидкостью. Набравъ червецу, его перемываютъ въ холодной водѣ, потомъ разсыпавъ на миски, ставятъ въ печь для просушки, и готовятъ такимъ образомъ прекрасный красильный матеріалъ, который хотя и уступаетъ кошенили, однако даетъ краску хорошаго цвѣта и ничего не стоитъ. Послѣ Ильина, дня (20 Іюля) изъ этихъ яичекъ выходятъ уже насѣкомыя, и потому червецъ собирается преимущественно съ конца Іюня до половины Іюля. У кого большой запасъ этого вещества или кто не занимается крашеніемъ, тѣ продаютъ червецъ, на который всегда находятся покупатели. Миска высушенныхъ яичекъ маленькаго насѣкомаго, собранная въ весьма короткое время, можетъ дать средства деревенской щеголихѣ приобрести на цѣлый годъ нарядовъ. *Марена* хотя и не повсемѣстна, но ее находятъ въ достаточномъ количествѣ, а *дрокъ* растетъ вездѣ по скатамъ горъ и кромѣ прекрасной желтой краски приносить еще пользу и тѣмъ, что его употребляютъ какъ средство отъ укушенія бѣшеныхъ собакъ. Настой изъ этого расте-

нія даютъ пить собакамъ въ лѣтніе жары, если почему нибудь предполагають, что они касались бѣшенаго животнаго.

Овчины преимущественно выдѣлываются въ городахъ, хотя и въ селахъ живутъ шкурники, занимающіеся этимъ ремесломъ, а для шитья казюховъ существуютъ особенные портные. Выдѣлка кожи для обуви тоже производится въ городахъ, а въ каждой деревнѣ есть *шеви* (сапожники), удовлетворяющіе потребностямъ мѣстныхъ жителей. Если же кто изъ послѣднихъ желаетъ имѣть обувь болѣе щеголеватую и цѣнную, тотъ покупаетъ ее по выбору на ярмаркахъ и базарахъ.

Образъ жизни малорусскаго крестьянина простъ и незатѣйливъ, и хотя на такомъ обширномъ пространствѣ, какое заселено этимъ племенемъ, въ нѣкоторыхъ деревняхъ онъ и имѣетъ свой легкій мѣстный колоритъ, однако подобныя различія во все незначительны, касаясь весьма неважныхъ условий. Если исключить нѣсколько уѣздовъ Черниговской губерніи, о которыхъ упомянуто выше, то бытъ малоруса разныхъ губерній можно подвести подъ одинъ уровень.

Малорусъ вообще набоженъ, глубоко чтитъ вѣру и уставы церковные, и избѣгаетъ всего, что грѣшно по его понятіямъ. Нрава онъ добраго, спокойнаго; вообще медленъ, къ чему конечно располагають его климатъ и та беззаботность, которая какъ бы служить необходимою принадлежностью народа, занимающагося преимущественно земледѣліемъ. По крайней мѣрѣ хлѣбопашество и скотоводство—два главныхъ занятія малоруса, а то и другое, по своей природѣ, не можетъ разшевелить человѣка. Принявъ же во вниманіе благодатную почву и способъ обработки земли быками, которыхъ шагъ такъ медленъ и лѣнивъ, и что малорусъ съ малолѣтства обращается съ этими животными, ничего нѣтъ удивительнаго, что на немъ самомъ отражается лѣнь, но не лѣность, въ какой напрасно упрекають его нѣкоторые близорукіе наблюдатели нравовъ. Есть впрочемъ въ его характерѣ мстительность, но нельзя безусловно сказать, чтобы качество это развивалось въ сильной степени и было похоже на кровомщеніе кавказскихъ горцевъ или на вендетту Корсиканца. Каждый человѣкъ, даже образованный, и знающій, что мщеніе—порокъ, охуждаемый христіанской религіей, не можетъ отрѣшиться отъ этого порока; да и существуютъ ли на земномъ шарѣ племена, которые не мстили бы за обиду или молча

переносили оскорбленіе? Если же въ малорусскомъ народѣ и сохранилась наклонность къ мстительности, то это чисто историческая причина,—стоитъ только прочесть исторію Малороссіи, отъ присоединенія послѣдней къ Польшѣ. Какъ въ недѣлимомъ (*indivisiuum*) образуется характеръ вслѣдствіе того или другаго условія, и кромѣ того, что для переработки этого характера нужны иногда самыя крутыя мѣры,—онъ не всегда измѣняется и часто переходитъ въ отдаленное потомство; такъ и въ цѣломъ племени иной разъ нужны столѣтія для измѣненія какой нибудь черты народнаго характера. Мстительность малоруса не выходитъ однако же за предѣлы благоразумія, и если порою случаются уголовныя преступленія, то ихъ можно подвести подъ психологическій законъ, присущій всему человѣчеству. Малорусъ хитеръ, потому что уменъ, но онъ не обладаетъ ни расчетливымъ умомъ, ни той смѣтливостью въ отношеніи средствъ зашибать копѣйку, сродною великорусскому крестьянину, которая развилась на сѣверѣ, гдѣ неблагоприятный климатъ и неплодородная почва возродили въ народѣ духъ промышленности, обративъ всю дѣятельность на одинъ предметъ—добываніе денегъ. Врожденною чертою малорусскаго племени можно также назвать—насмѣшливость, непокидающую его въ самыя тяжелыя минуты—насмѣшливость до того сродную малорусу, что даже подслушивая разговоры дѣтей, собравшихся для какой нибудь игры, невольно засмѣется при ихъ шуткахъ и названіяхъ, даваемыхъ другъ другу. Кромѣ особенной соли въ шуткахъ малоруса, въ нихъ замѣчательны и наблюдательность и необыкновенная мѣткость взгляда, съ которыми онъ нападаетъ или на слабую струну или на какой нибудь недостатокъ. Чтобы судить объ этомъ юморѣ, надо видѣть малоруса, что называется, подвеселую-руку, и послушать его разговоровъ, если онъ въ ударѣ. Къ сожалѣнію, и до сихъ поръ еще иные почтенные сочинители считаютъ обязанностью посмѣяться надъ простодушіемъ малоруса и часто, вводя послѣдняго для потѣхи въ разсказъ, влагаютъ ему въ уста разговоры на какомъ-то непонятномъ, варварскомъ языкѣ, воображая, что это смѣшно. Но должно предварить читателя, что какъ эти фантастическіе малорусы, такъ и выводимые на сцену въ театральныхъ пьесахъ,—очень похожи на тѣ анекдоты о малорусахъ, которые такъ краснорѣчиво разказываются инымъ почтеннымъ господиномъ, не имѣю-

щимъ понятія ни объ упоминаемой имъ странѣ, ни объ ея жителяхъ. Что малорусъ простодушень, гостепріимень, не погонится за лишнимъ грошемъ, и что плутъ можетъ обесчитать и надуть его—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; но что онъ далеко не простъ,—подтвердятъ всѣ, кому хоть сколько нибудь знакома Малороссія.

Не смотря на лаконизмъ рѣчи, малорусъ любитъ уклончивость. Спросите, напримѣръ, крестьянина, укладывающаго на фуру домашнія произведенія для продажи на ярмаркѣ: поѣдетъ ли онъ на ярмарку? онъ непременно отвѣтитъ вамъ: «Може й поїду.» Малорусъ часто прибѣгаетъ къ иносказательности, и старается не прямо объявлять свое мнѣніе, если навѣрное не знаетъ какъ оно будетъ принято.

Одинъ изъ старосвѣтскихъ пановъ, выдавши дочь за Орловскаго помѣщика, считалъ обязанностью, по древнему обычаю, посылать ежегодно дочери гостинцы. Для этого аккуратно каждый Сентябрь мѣсяцъ онъ отправлялъ ей повозки двѣ разныхъ разностей. Однажды, ожидая уже возвращенія подвѣдъ изъ Орловской губерніи, сидѣлъ онъ вечеромъ на крыльцѣ, и посматривалъ съ нетерпѣніемъ на дорогу; ему хотѣлось поскорѣе вѣсточки отъ дочери. Наконецъ ему докладываютъ, что посланные показали. Старикъ не вытерпѣлъ и подошелъ къ воротамъ, а въ это время подъѣзжали порожнія подводы.

— Здоровъ, Грыцько! кричалъ онъ издали довѣренному человеку.

— Здорови були, пане, отвѣчалъ тотъ, сывая шапку.

— А що, якъ тамъ наші?

— Благодарить Бога—благополушно.

— Есть *листъ* (письмо)?

— Е.

— Ке сюди (дай сюда)!

Посланный отдалъ письмо, и пока господинъ читалъ, онъ обсуживалъ, что и какъ отвѣчать на разспросы. Деревня барскаго зятя была бѣдна, и Грыцьку, привыкшему дома, если не къ роскоши, то къ удобству, весьма не понравилось пребываніе въ Орловской губерніи, гдѣ еще народъ надъ нимъ и подтрунивалъ. Худить открыто онъ не рѣшался; но не хотѣлъ также и скрыть истину.

Старикъ прочелъ письмо, кликнулъ Грыцьку къ дому, велѣлъ дать ему чарку водки,—а самъ сѣлъ на крыльцѣ и принялся

балагурить. Много онъ предложилъ вопросовъ, на которые Грыцько отвѣчалъ лаконически; наконецъ спросилъ—какъ ему понравилось въ той сторонѣ?

— Та бачите, добродію, воно-бъ то и тее, а у тѣмъ хто його зна якъ и казать.

— Та кажи просто.

— Бачите, пане, якъ уїздивъ я у свою границю, ажъ двлюсь, туди у Орловську губернію, біжить собака, такъ я кинувъ на його грудку тай кажу: Тю-тю на дурний! Чого ти тамъ не бачивъ!

Но вотъ еще разительное доказательство малорусскаго юмора. Когда при Петрѣ Великомъ нѣкоторые малорусскіе старшины, по одному доносу, были наказаны, кнутѣмъ, и послѣ экзекуціи лежали на рогожахъ,—одинъ изъ нихъ отозвался къ товарищу:

— А що, брате, чи солодка московська *пужка* (плеть): може бъ ей послать нашимъ жінкамъ на гостинець!

Фактъ этотъ записанъ въ Исторіи Бантишъ-Каменскаго, гдѣ и поименованы старшины.

Малорусъ чрезвычайно любитъ пѣсни. Если кому случалось жить хоть нѣсколько времени въ деревняхъ, населенныхъ этимъ племенемъ, тотъ не могъ не замѣтить, что въ продолженіе всей лѣтней ночи не умолкаютъ пѣсни, которыя своей пріятной мелодіей заставляютъ часто задумываться знатока музыки. Что это народъ пѣвучій и обладающій хорошими голосами — служить доказательствомъ наша Придворная пѣвческая, наполненная преимущественно малорусами, и если бы только не вкоренившееся мнѣніе, что превосходные пѣвцы и пѣвицы образуются лишь въ Италіи, мнѣ кажется, что не одинъ теноръ съ береговъ какой нибудь малоизвѣстной Сулы, и не одинъ сопранѣ съ побережьевъ Днѣпра — украшали бы столичную сцену. Безспорно, что въ этомъ случаѣ можно говорить и *за* и *противъ*; вѣрнѣе всего, что большинство будетъ несогласно со мною, хотя конечно безъ достаточныхъ доказательствъ; тѣмъ не менѣе однакожъ я рѣшаюсь повторить сказанное мнѣніе. Много у насъ разбросано по Руси хорошихъ музыкантовъ и пѣвцовъ, отличныхъ знатоковъ музыки и пѣнія; но нѣтъ ни одного верховнаго судилища, которое произносило бы окончательный приговоръ въ этихъ изящныхъ искусствахъ. Всѣ эти исполнители и дилетанты, доложимъ бравшіе уроки у первыхъ знаменитостей, и потомъ сами изу-

чавшіе музыку, не могут имѣть ни того авторитета, какой имѣетъ музыкальная консерваторія, ни тѣхъ разнообразныхъ средствъ изучать музыкальныя способности племенъ, населяющихъ государство. Не мѣсто здѣсь, да я и не берусь разсуждать—отчего у насъ нѣтъ ни одной музыкальной консерваторіи, но полагаю, не сдѣлаю важной ошибки, сказавъ: что если бы у насъ и возникло подобнаго рода заведеніе, то приличіе всего было бы возникнуть ему въ Малороссіи, хотя бы и въ Кіевѣ.

Вездѣ, даже въ Петербургѣ, въ обществахъ ходитъ темная молва, что малорусскія пѣсни очень хороши, но никто не только не поетъ, а врядъ ли слыхалъ даже тѣ истинно-прекрасныя пѣсни, которыя распѣваются простонародьемъ въ какомъ нибудь захолустьѣ. Случалось мнѣ иногда въ столицѣ слышать малорусскія пѣсни самыя негармоническія, не говоря уже о томъ, какъ пѣвцы и пѣвицы нещадно коверкаютъ мое родное нарѣчіе. Собственно для словъ есть еще сборники, а для голосовъ одинъ г. Максимовичъ издалъ тетрадку при своемъ сборникѣ украинскіхъ народныхъ пѣсень, и то безъ всякаго выбора. Видѣлъ я также нѣсколько мелодій, готовившихся для другаго сборника голосовъ, но къ сожалѣнію мотивы передѣлывались на ученый ладъ, и теряли неуловимую прелесть народнаго мотива.

О малорусскихъ пѣсняхъ можно написать цѣлую книгу: такъ много въ нихъ истинной поэзіи, высказанной съ художественной простотою. Ни одно изъ славянскихъ племенъ не обладаетъ такимъ огромнымъ запасомъ пѣсень, какъ малорусское, и ни у одного изъ нихъ нѣтъ такихъ прекрасныхъ, оконченныхъ пѣсень. Мелодія ихъ вообще унылая, да и самыя слова не отличаются веселостію. Исходивъ многіе уголки, гдѣ поются эти пѣсни, я очень рѣдко встрѣчалъ веселую, но и въ той слышится всегда что-то заунывное. Есть нѣсколько пѣсень плясовыхъ или хоровыхъ, однако онѣ совершенно теряются въ количествѣ грустныхъ.

Малорусскія пѣсни раздѣляются на историческія, обрядныя и житейскія. Любознательность нѣкоторыхъ почитателей старины собрала нѣсколько старинныхъ козацкихъ пѣсень, и если бы не князь Цертелевъ, гг. Срезневскій, Лукашевичъ и Максимовичъ, мы не имѣли бы этихъ драгоценныхъ поэтическихъ отрывковъ ни о черноморскихъ походахъ вождей запо-

рожскихъ, ни о кровавыхъ событіяхъ, совершавшихся по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, въ «сегобочной и тогобочной Украинѣ».

Теперешніе бродячіе рапсоды (кобзари, лирники, бандуристы) поютъ эти пѣсни однимъ монотоннымъ речитативомъ, только почти въ искаженномъ видѣ. Въ послѣднее время уничтоженію бандуристовъ, а съ ними и историческихъ пѣсень, много способствовала и способствуетъ мѣстная полиція, слишкомъ ретиво преслѣдующая нищенство. Но въ этомъ случаѣ полиція немного ошибается. Кобзарей нельзя сравнивать съ нищими, часто тунеядцами, употребляющими во зло общественную благотворительность: кобзари, бандуристы и лирники непремѣнно слѣпцы, никакъ не могущіе стать на ряду съ бродягами. Не бывъ въ состояніи заниматься хозяйствомъ, и нерѣдко отягощая убогое семейство, они съ малолѣтства учатся пѣть духовныя легенды и старинныя козацкія пѣсни, обходятъ Божій міръ, играя на инструментѣ, и такимъ образомъ поддерживаютъ свое существованіе. Это нищенство не опасно. Политической же цѣли никакой быть не можетъ, развѣ уже смотрѣть на Малороссію съ очень узкой и обидной точки зрѣнія. Кобзарь поетъ то, что нѣсколько разъ напечатано, и развѣ рѣдко услышишь какой нибудь новый варіантъ,—а совершенно неизвѣстная пѣсня попадаетъ въ продолженіе десятковъ лѣтъ. Но теперь необыкновенно трудно найти хорошаго бандуриста: во-первыхъ, они переводятся, во-вторыхъ боятся каждаго, въ комъ-подозрѣваютъ чиновника. Въ старинныхъ этихъ пѣсняхъ ничего нѣтъ предосудительнаго;—многія изъ нихъ древнѣе половины XVII вѣка, и вотъ почему жаль, что, безъ сомнѣнія, довольно исчезло этихъ памятниковъ старины.

Меня постоянно занималъ вопросъ: кѣмъ слагались эти поэтическія преданія; но разрѣшенія этого вопроса не находилъ я ни въ лѣтописяхъ, ни въ устныхъ разсказахъ стариковъ, еще знавшихъ Запорожье подъ конецъ его существованія. Одинъ старый козакъ, служившій нѣкогда сѣчевикомъ, разсказывалъ мнѣ, что между товариществомъ было много хорошихъ игроковъ на бандурѣ, которые «и лепсько спивали» и конечно между этими-то пѣвцами встрѣчались талантливые люди, слагавшіе гдѣ нибудь въ степи—свои поэтическія думы.

Пѣсни обрядныя извѣстны изъ нѣкоторыхъ отдѣльных изданій и журнальных статей,—а житейскія, самыя многочис-